

РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОСТУПА ГРАЖДАН К ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ

КРУГЛЫЙ СТОЛ "ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ В РОССИИ: СИТУАЦИЯ И ТЕНДЕНЦИИ"

Владимир Энтин,
директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности

Синдром Вавилонской башни

Мне хотелось бы поспорить по поводу того, о чем здесь говорили предыдущие ораторы. Со многим из сказанного я не могу согласиться, несмотря на благородные цели и пафос выступавших. Попробую объяснить почему. Если мне не удастся объяснить, я все равно останусь несогласным. Но, может быть, вы поймете логику, определив мою несогласие.

Итак первое. Здесь прозвучало предложение включить интеллектуальную собственность в перечень информационных ресурсов, доступ к которым, как правило, не должен ограничиваться, и даже сделать ее всеобщим достоянием.

Боюсь, что здесь может начаться путаница. Мы начинаем смешивать две вещи: наше расхожее представление о том, что такое интеллектуальная собственность, и то понятие, которым оперирует законодатель. На бытовом уровне мы понимаем под интеллектуальной собственностью любой продукт творчества, любой творческий результат. Гражданское законодательство России вкладывает в это понятие совсем другой смысл. Под интеллектуальной собственностью закон понимает исключительные имущественные права на использование определенных результатов творческой деятельности. То есть то, что можно взять от одного и передать другому.

Вопрос о гласности информации, когда речь идет о результатах творческого труда, имеет опять-таки совсем другое прочтение. Категория моральных прав в авторском праве защищает личность от общества. Она позволяет автору сохранять свою индивидуальность, быть самим собой, несмотря на давление ближнего и дальнего окружения.

Допустим, автор стыдится содеянного или решил, что его труд не удался. Он не хочет публиковать сырое или плохое произведение. Если автор его не опубликовал и засунул в стол, то пока он жив, только ему принадлежит право обнародовать то, что он создал. Никакого права доступа к произведению, которое автор положил в стол и решил не публиковать, ни у кого нет. Общественность, какой бы прогрессивной и благонамеренной она ни была, должна уважать данное моральное право автора. Если к нему придут с обыском и будут копаться у него в столе, то правовое основание для этого должно быть совсем другим, нежели желание сделать его рукопись общедоступной.

После того, как автор решился обнародовать свое произведение и опубликовал его, в дело вступают другие правовые механизмы. Произведение становится доступным для всеобщего ознакомления. Всякий, кто приобрел материальный носитель, где оно зафиксировано, – будь то газета, журнал, книга, компакт-диск или видеопленка – может с ним ознакомиться. Оно становится общедоступным.

Если же произведение перешло в общественное достояние, то это означает совсем другое. Это значит, что имущественные авторские права на данное произведение исчерпаны за давностью лет либо не предоставлялись вовсе. Поэтому каждый может использовать произведение попавшее в общественное достояние, том числе и в

коммерческих целях, бесплатно. То есть речь идет о совершенно другом правовом режиме.

Стремясь не создавать препятствий распространению информации, законодатель вынес ее за скобки авторского права. Сообщения, носящие чисто информационный характер, не охраняются авторским правом. Так вот, приватизировать информацию, объявив ее своим авторским произведением, нельзя. Авторское право охраняет форму выражения мысли или информации, но не ее саму. Поэтому сама информация в отличие от авторского текста, где она используется, является общедоступной в том плане, что ее может использовать каждый. Поэтому при составлении схем и таблиц, нужно оперировать юридическим смыслом используемых категорий и понятий. В противном случае мы рискуем пуститься в путь по лабиринту с завязанными глазами.

Когда человек приобретает патент, результат его творческого труда становится промышленной собственностью. Он обладает приоритетом на нее со дня подачи заявки. Однако в информационном плане патент имеет совсем другое назначение. Держатель патента благодаря публикации заявляет о своем праве. Он хочет, чтобы все знали, что это принадлежит ему. Патент своего рода оповещение о границе владения, куда без ведома хозяина соваться не рекомендуется. Патент можно использовать, только получив лицензию у правообладателя. То есть публикация информации о патенте преследует вполне определенную коммерческую цель – оповестить всех о существовании охраняемого объекта.

Насколько я могу судить, закон, регулирующий порядок осуществления конституционного права гражданина на информацию, будет действовать совсем в другой плоскости. Он призван регулировать информационные отношения прежде всего с властью в лице правительства и созданной им администрации в лице организаций, которые имеют определенные властные полномочия либо на федеральном уровне, либо на более низком уровне, но на уровне власти. В том числе и власти экономической. И тут вопросы касаются коммерческой тайны.

Мы все время уходим от постановки общетеоретических философских вопросов, полагая, что здесь все и так ясно и нечего зря терять время. Но, не прояснив для себя правовую природу предмета регулирования, мы рискуем начать громоздить здание, напоминающее Вавилонскую башню. Достроить его до конца будет невозможно. Пришедшие на ударную стройку строители – юристы, журналисты и политики – по разному представляют себе смысл исходных понятий и назначение здания. А что происходит, когда языки смешиваются и люди перестают понимать друг друга, мы знаем. Поэтому я предлагаю продумать вопрос о целесообразности подготовки информационного кодекса. Дискуссия показала, что нужно создать комплексный нормативный акт, упорядочивающий действие ряда законов, относящихся к информационной сфере.

Грустно сознавать, но авторитета самих законов сейчас мало. Сейчас все значительное и весомое обретает форму кодекса. Сегодня журналистов убеждают в необходимости жить по Гражданскому кодексу и забыть про все остальное, что было принято ранее. В том числе и Конституцию.

Под информационным кодексом я имею в виду не закон, заменяющий и подменяющий все, что было сделано ранее. В законодательстве ряда стран кодекс – это акт определенной степени полезности, где сгруппированы вместе разнородные нормативные акты, рассматривающие один и тот же предмет, но с разных сторон. Меня во всей этой проблематике больше всего волнуют два аспекта или даже две ипостаси проблемы. Информационные отношения гражданина с властью многогранны. Но гражданин получает информацию в подавляющем большинстве случаев, когда это не касается непосредственно его, через средства массовой информации.

Здесь складывается самостоятельный блок отношений между властными структурами и средствами массовой информации и как производное от него – между властью и журналистами. Несмотря на всю важность и злободневность конкретики, здесь существуют принципиальные общетеоретические вопросы, которые требуют осмысления и сознательного выбора. Именно они будут служить тем отвесом, по которому должны выверяться стены будущего здания. Первое, по поводу доступа к информации. Должен ли журналист как профессионал пользоваться большими законодательно признанными возможностями доступа к информации, чем простой гражданин, или нет? В этой связи в Законе "О средствах массовой информации" и появились несколько статей об истребовании информации. Они работают плохо, но, тем не менее, они закрепили принцип сокращенных сроков реагирования на обращение средств информации. Если вы вспомните, в какие сроки надо реагировать на запросы гражданина, вам все станет ясно. И в принципе предоставляется возможность, если вы считаете, что вас ущемили, обратиться в суд. Только давайте не забывать, что в нашей стране действует (и будет, видимо, действовать очень долго) универсальная закономерность (не закон), сформулированная Ильфом и Петровым: "Спасение утопающих – дело рук самих утопающих". Если вы хотите, чтобы на вас стала работать та или иная норма закона, – обращайтесь в суд и попытайтесь сделать так, чтобы ее выполнили в принудительном порядке.

Вы понимаете, когда идет процесс законотворчества, очень важно не что говорят, а что запишут. Хочу напомнить вам о беспокойстве по поводу возможности искажения авторского замысла, которую испытывают все проповедники правильной идеи. Опять–таки сошлюсь на классика. Помните у Булгакова в его романе "Мастер и Маргарита". Даже Иисус Христос жаловался Понтию Пилату на ошибки и искажения, допущенные при записи его учения. Иешуа в его романе говорил о том, что "за мной ходит один и все время пишет и пишет, что я говорю. Я взглянул и пришел в ужас: там совсем не то, что я говорил". Наверное, поэтому нередко принимается совсем не то, что говорилось и что обсуждалось.

Предлагаю для обсуждения несколько проблем, которые не должны выпасть из нашего поля зрения. Проблема приватизации информации в коммерческих целях, когда та информация, которая должна бы, по идее, находиться в свободном доступе, под тем или иным предлогом закрывается и предлагается за плату. С одной стороны, на информацию, находящуюся в свободном доступе, идет наступление со стороны государственных структур. С другой стороны, ее быстро прибирают к рукам частные структуры, которые, группируя или обобщая определенный информационный ресурс, далее объявляют доступ на тот или иной сайт платным, хотя на этом сайте главным образом сосредоточена общедоступная информация.

Вторая проблема, которая требует решения. Понятие открытого доступа, доступность правительственной информации и ее бесплатность. Как вы понимаете, все это вещи взаимосвязанные, но не тождественные. Здесь нужен определенный баланс, золотая середина. Дело в том, что организация доступа к информации требует определенного рода затрат. С какого уровня и до каких пределов эти затраты может нести государство? И как должна выглядеть процедура возмещения затрат? Понятно, что платность не должна превращаться в экономический барьер, препятствующий распространению информации. Это опять–таки проблема, которая должна быть решена на техническом уровне, но в нормативном акте. Поэтому я ее и выделяю, обращаясь к разработчикам.

Еще одна проблема из области теории, которая может иметь существенное прикладное значение. Она связана с соотношением прав средств информации, прав журналиста и прав гражданина. Я не собираюсь конструировать модель журналиста как супергражданина, которому до всего есть дело. Я говорю о том, что в определенных

случаях журналисту должно быть проще, удобнее действовать как гражданину, осуществляющему свое право и пользоваться этими своими правами, чем козырять своим положением представителя прессы. Думаю, что многие судебные иски в защиту чести и достоинства можно было бы развернуть в другую сторону, если бы журналисты в полной мере использовали свой ресурс гражданина.

И последний момент. Когда мы говорим о правительственной информации, это относится уже к сфере публичного права: конституционного, государственного и административного. Но в связи с тем, что у нас гражданское общество сильно прогрессирует и развивается, вопросы доступа к информации стали весьма злободневны в области гражданского и уголовного процесса. Доступность информации здесь во многом определяется вашим процессуальным положением в зависимости от того, в каком качестве вы в нем выступаете. Причем журналисты, которые работают с судебной информацией, могут почувствовать ограниченность своего правового и процессуального положения, как только они пытаются получить какую-то информацию о том, что происходит, скажем, в том же Арбитражном суде.

Вопросы: Законодательство, которое мы сейчас должны стимулировать и продвигать в области информатизации, должно учитывать то обстоятельство, что стремительно развиваются информационные технологии. Считаете ли Вы, что нужно делать законы сейчас как бы с упреждением, с учетом прогноза развития информационных технологий?

Ответ: Дело в том, что информация обладает повышенной текучестью. Законодательство – это определенные рамки, определенные трубы. Иначе говоря, если Вы сделаете эти трубы слишком узкими либо непригодными для того, чтобы информация циркулировала так, как Вы ее пытаетесь направлять, она будет идти, или протекать, или проходить вне зависимости от того, что вы здесь установили. Поэтому регулирование должно быть логичным и не мешать нормальному движению информации. Здесь напрашивается аналогия с дорожным движением. Проезжая часть должна быть достаточно широкой. Если она недостаточно широкая, будут ехать, не обращая внимания на вашу разметку.